

МАРК ИВАНОВ

МОЙРЫ

Марк Ив`анов

Мойры

«Издательские решения»

Ив`анов М.

Мойры / М. Ив`анов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508575-7

Если каждый из нас переключит своё внимание на свою Божественную сущность, то наша жизнь станет Жизнь вечной. Жизнь Вечная — это прежде всего труд и вечное Служение для Господа. Ибо все размышления баз этого есть химеры Вечные.

ISBN 978-5-00-508575-7

© Ив`анов М.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Изнанки	6
Не приведи меня Господи!	6
Что именем Твоим	7
Ржавая петля	8
Блажен!	9
Я пёс	10
Зигота	11
Гимн	12
Пересмешник	13
Не пристало	14
Мираж	15
След	16
Я вправе спросить	17
Рано	18
Адаптация	19
Вестник	20
Экстаз	21
Изгой	22
Половица	23
Деревья умирают стоя	24
Истина в вине	25
Другие	26
Пирамида	27
Не Данте я	28
«В аду своём комфортно и уютно, о нём приятно рассуждать...»	29
Рождество	30
Сказочное	31
О ты, Судьба	32
Сколько	33
Идея	34
Как быть?	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мойры

Марк Иванов

Корректор Яна Веретнова

© Марк Иванов, 2019

ISBN 978-5-0050-8575-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Изнанки

Не приведи меня Господи!

Моему Господу посвящается

Хранитель, Ты мой Ангел!
Чей ты друг, себя спросил я?
Что ты любишь и что ждёшь?
Я люблю, когда застолье,
Светлой истины порог,
Ведь друзей не выбирают,
Почему-то избран я,
И душа моя мечтает что-то сделать для Тебя.
Говорят, что поздравленья
Отражают свет души.
Как душа Твоя прекрасна,
Свет в ней горний, свет Любви.
Мне бы мудростью одеться,
Что достоинство твоё,
И тебе отдать сердечно
Все, что Богом нам Дано.
Радуйся.

Что именем Твоим я сотворю

Вот ряд, изогнутые спинки,
В руке билет – смотрю,
Там место обозначено. Ищу.
Ищу что? Место или сам не знаю,
Как будто на спектакль я пришёл.
А может быть, с молитвой поклониться.
Споткнулся, ой, монетку я нашёл.
Орёл или решка? Свет или изнанка?
Спектакль – да. В нём кривизна торит.
Я знаю, в нём мгновенье мыслит
И вдруг потом заговорит.
Оно как танец искромётный.
Оно как первенец. Ковчег.
И вновь, как встарь, в ярчайшей вспышке
Терновый я приму венец.

Ржавая петля

Кольцо, калитка наперекосяк,
Дотронулся, петля ржавая.
Остановился, смертушка.
Пюпитр, вторит тромбон.
Нота, слеза аиста белого.
О, если все маргаритки собрать,
То и тогда не отцветут тюльпаны.
А если в алом синь воспринять,
То в оранжевом горы восстанут.
В доле ледников студёная пядь,
остановились, замерли в изумленьи,
Симфонией от дна восстать.
Оратория мира, скольжение.
Пронеслись в водопадах времён,
В брызгах мгновений постигли истину.
Ну а потом, да что в том,
Ведь петля-то ржавая.

Блажен!

Блажен, кто нищенство приемлет,
Блажен, кто в нищенстве живёт.
А что есть нищенство, то паперть,
Быть может, это сердца слог.
Быть может, звук хлопка одной ладонью.
Быть может, просто хоровод.
Господь создал в Начале Слово
А в слове слог, а в слове миг,
Который в нищенстве блаженной
Мне истину судьбы вершит.
Я иногда как будто замечаю,
особенно когда не подают,
Что нищенство – дорога к раю,
Пусть в ранах, босиком, но путь.
Путь, в ком надежда, в ком отрада,
Отрада из глубин студёных вод,
И лист осенний радуется взгляду,
Который радугой цветёт.

Я пёс

Наш пёс, почти он издыхает.
Уже не чувствует, не видит он ни зги.
Не понимаю, радуется иль страдает.
Он пёс, и мост его вблизи.
Тот мост, который напрямую без поворотов в путь его ведёт
И я в надежде: вскоре меня он тоже поведёт.
Как странно говорить о мосте,
О псе о том, что есть.
Мост служит, пёс ему подобен.
А я! Божественная весть.
Пока не принял, тайна не раскрыта.
Могу быть псом, мостом лишь иногда.
Пока я только бабкино корыто, надтреснутое,
но не навсегда.
Спросить бы рыбку золотую.

Зигота

Смогу ль себя я светлым чувством одарить?
Каким? Об этом лишь Ему судить.
А суд Его не мысленное счастье, которым судится злочьстье.
Ненасьье душ, сердец ненасьье,
О, звонниц хоровод, причасьье.
Я для Него пока лишь зарождаюсь.
Зигота я, за место я сражаюсь.
С кем против или за кого,
Да нет, не против, просто за Него
Я думал раньше, что Он там, вдали.
Молитвы возносил, слова не шли.
Я повторял чужие мысли и образа другие надевал.
И было невдомёк, что я зигота,
И только Он меня создал.
И понял – никуда бежать не надо.
Ни вправо, влево, вниз или навёрх,
Он здесь, и я Его отрада.
И вырвался счастливый смех.

Гимн

Проникнуть в суть, которая не суть.
Воздействовать на то, что в образах сокрыто,
и с маленькой свечой просить: прости.
О том подумать, что в мгновенье скрыто.
Почто не думать, мысль свою не счесть,
Она миражное блаженство. Какая честь.
Вот именно, под стать оторванной доске,
гвоздей в которой верховенство.
Ты скажешь: это ведь прекрасно,
Прекрасно, как могу не воспринять,
В кривом заборе огненного вихря какая стать.
Я в этот пламень руки опускаю,
Но в холоде они живут.
Вот так же в смерти жизни я желаю,
И только в этом суть, которая в огне лампы тлеет.

Пересмешник

Заржавело, не приспело, не оделось в Бытие.
Пересмешник, птица вещая, маленькое то.
Маленький узор в оконце и морозец маленький.
Лучик маленький, и донце, и колодец старенький.
Изопью святой водицы от крещения Руси.
Вдруг проглянет лучик. Спицы.
Для тебя вяжу мечты.
Кружева, смешинки, льдинки.
Весь весёлый хоровод.
И Твоя улыбка с нами. Улыбнуться наш черёд.
Радуйся!

Не пристало

Когда-то так же произнёс, что не пристало.
Что?
Сорвать в саду запретный плод.
Пристало.
Услышать гул раскатных битв.
Пристало.
Когда за честь, присягу, долг.
Пристало.
Когда сам ранен, но спасал.
Пристало.
Когда, приняв сабельный звук,
Понять – противник честен.
И возратить ему клинок.
Не обесчестить.
О русский дух, о честь любви.
Он горд, и в этом подвиг.
Не для себя, а в той выши, где Русь Святая Храм Господний.

Мираж

Моему школьному другу Таймуразу, посвящается

Синь небосвода глубиной оделась, явил он царственно себя.
А нам одиннадцать минуло, мальчишки стрелки Бытия.
И каждый вечер от восторга заворожённо, затаясь,
прильнув к хладеющему небу,
Мы в свете царственном улавливали глас.
Тогда не знали кто он и откуда.
О! Сириус, манящая звезда.
А нам мальчишкам космоса мгновенья, далёкая и близкая мечта.
И всё тогда казалось первозданным,
Какие цели: просто школьный бег.
Потом другие стадионы, и снова бег, и снова бег.
Но те бега – тотализатор, и ипподром не строил сам.
И вот как загнанная лошадь, и удила не по зубам.
А сколько этих ипподромов, плетёмся тихо, может, вскачь.
Конечно, в чём тут сомневаться, а рядышком футбольный матч.
И там ревут, а здесь ликуют.
Там по воротам, здесь в узде.
А синь по-прежнему глубока, и глас Его ещё во мне.
Стоп, хватит, надобно остановиться; так для чего же я бежал?
Хотел себе поймать жар-птицу, а оказалось, не поймал.
А потому, что цель земная была пустынным миражом.
А настоящая, святая – ведь это Отчий дом.
Проложим мы к нему тропинку.

След

Сегодня истина святая
Открыла вдруг мою судьбу.
Я думал, просто я мечтаю, а оказалась, что живу.
Живу, а если приглядеться —
Неважно, впрямь иль на косяк.
Неважно, как мои поступки
Потом потомки объяснят.
А надо ль? Ведь они потомки,
В них ритм других судеб цветёт.
Они бегут скользящим шагом.
А, я? Меня никто не ждёт.
Так вот в чём истина, в том ожиданьи, которое грядёт.
А жизнь Его мечтанье.
Да будет славен наш Господь!

Я вправе спросить

Гимн бессмертию

Бессмертным хочешь стать – Похвально.
А что готов за то отдать – Странно.
Быть может, то, что не познал, – Быть может.
А может, то, что не узнал, – Может.
Я в праве спросить, ведь Я Дарую!
А если дашь ответ – Ликую!
О Боже, вправе ль я познать то, что не знаю?
А если просто возлюбить – Знаю.
А может, просто невзначай к ладошке светлой прикоснуться.
Глазёнки – в них росинка даль, с ним улыбнуться.
Тропинка от пруда и вдоль налево плавно повернула.
Вечерний свет пахнул травой.
Церквушка крестиком сверкнула.
Вошли, и ты вдруг стал иным.
Ни шалости, ни любопытства.
Я понял – Он тебе открыл, что каждому так близко.
А близко всё, луна и свет, склонённые головки низко.
И шёпот звёзд, свечной обет.
Всё близко, близко, близко, близко.
И только так и навсегда, Твой дар с поклоном принимаю.
И вот тогда времён – года, в них полнота.
Признаю.
Бессмертие Твоё я обрету!

Рано

Сходиться рано не пристало.
Мы в истине творим судьбу, и всё ж пустыней я бреду.
Бреду по снегу.
Под ногами песок обжёт, опять бреду.
То жар, то холод, и не знаю,
кто, как, в каком преданье могилку я себе творю.
Там крестик, освятив, поставлю.
Пусть травка былью прорастёт.
Быль это, небыль, лишь в страданье святая истина грядёт.
Любви Божественной оплот.

Адаптация

Когда по утреннему солнцу
роса в травинках говорит.
И лучик света вдруг смешинкой моё сознание одарит.
Когда прохлада вечерееет.
Луна, как серпик, воду пьёт.
И я, испить бы той водицы, ведь скоро, скоро мой черёд.
Котомка цельная иль в дырках.
Храню иль в россыпь: подберут.
Не думаю, котомки их ведь тоже в дырках.
Тогда что в путь с собой берут?
Врата, смешался я толпою,
Подумалось – вот проскочу. Ан нет.
Сумма моя с судьбой. О Боже, что Тебе несу?
Что прихватил: счета, кастрюли, смартфонов ожерелье, миг,
в котором плоть моя ликует.
Что смог, что подобрал, чего достиг?
А мог бы,
Когда прохлада вечерела, отбросить блёстки мишуры.
Перечитать строфу Завета и попросить Тебя: прости.
Возрадоваться, с Ним душою слиться.
Понять: вот то, зачем я жил.
О Боже, вот он долг служенья,
И только в том Тебе я мил.
Мил человек.

Вестник

Не ведая того, в причине без причины
Мне надо кое-что понять.
Встречал рассвет в степи, там сказки и былины.
Ковыль рисует там морскую гладь.
Там, где от века и до века
все времена, клубочки обмотав,
Становятся причиной и одеты в одежды,
смысл которых страсть.
Подумалось, что страстно я желаю: промчаться по ковыльной
стремине,
услышать журавлиное клёктанье или синицей стать в Его руке.
Другая страсть: взрастить цветок любимой.
Какого цвета? Жёлтый изумруд.
И в нём ковыль оставит отпечаток.
И в нём начала все грядут.
И вот тогда, став вестником нетленным.
Я непременно свой цветок внесу.
Во Храм, в Мечеть, в Дацаны, в сердца людские.
Только этим,
Пресветлый Мой, Тебе служу.

Экстаз

Раскинулся базар: халаты, тюбетейки,
клубится пыль из-под копыт.
Какой-то странный говор, как будто мягким облаком обвит.
Базар, то тут, то там мелькнёт пространство и пальчиком грозит.
Опять базар; в нём постоянство.
Как ярок день в нём синь ночи горит.
Суфийский плащ подбитый пылью.
А что под ним? – да ничего, лишь сказка стала былью.
А может, как же мне понять, ведь лик Его мне недоступен.
Не знаю, мысль как решето, смысл неприступен.
Горсть фиников я в плошку обмакну, как студена водица.
Базар, твой мир люблю и пью и не напиться.
И вдруг всё разом просветлело, а то базар души угас.
И из глубин молитвой белой
Явил себя любви экстаз.

Изгой

Сегодня призраки не мучили меня.
Не знали, как ко мне им прилепиться.
Остановитесь, я им прошептал, пора б друзья угомониться.
Почувствовал, что в той дали,
В иных мирах поникли головою.
Пойми, зачем они к тебе пришли,
В наш мир, в котором смысл изгоя.
Изгой, как с этим смыслом быть?
И как почувствовать другое?
Для них ведь главное – признать, какая их в том доля.
Ну почему ж они спешат и, чтоб попасть, сюда блефуют.
Расписывают мне их благодать, которой ревностно торгуют.
А всё так просто – в мире том разлито чудо.
Но чтоб понять его, в наш дом они стремятся. Тоже чудо.
Как странно: чудо здесь и там, но там в нём пребывают.
А здесь: труд, слово, честь.
Они об этом лишь мечтают.
Господь.

Половица

Половица не страница, не страница. Дом пуст.
От обоев звук странный. Разбитое оконце в пыли.
По карманам похлопал. Платок белоснежный.
Протёр ручку, а может, мысль.
Вот только какую? Обозначено ль?
Говорят, за горизонтом есть незримое.
Ирам Многоколонный.
В нём звук колоколов, повенчана струна,
Скрипичное многоголосье, троны.
В одних есть роскошь, золотой подвой, ножки изогнуты, венцы
спинки.
Другие – просто стул кривой, спинка оторвана.
На первом в золоте владыка восседает.
Другой... да пусть себе стоит. Он только так стоит и не мешает.
Владычество гордыни в первом, другой мысль светлую творит.
И всё же половица, скрип ступеней.
Вверх, вниз, кто, право, разберёт.
Шарахаются тени, и занавес во времени живёт.
Опять ступени. Звуком лечат раны.
Звук ведает, что он любовь творит.
А я по тонкой половице, и каждый мой шаг
в многоголосии любви сокрыт.

Деревья умирают стоя

Вошёл я в лес, сухих стволов там вереница.
Подумалось: ан жизнь во мне теплится, как огонёк святого Бытия.
Я углублялся, кроны создавали над головой узор любви.
Припомнился плафон в Миланском зале, свет Леонардо
в лиственной тиши.
Он чудо сотворил, в котором каждый листик росой неведомой
горит,
А здесь вершины – кроны каскад Вселенной, миг.
Но что ж тогда, когда сухое? Остался ствол. А жизнь совсем ушла?
Но нет, тут мыслится другое. А что? Откроет ли судьба?
Моя иль грозных великанов, которые, как будто не живут.
Но это я к ним прилепился, они ж в свет вечности идут.
Я думал, вместе, может быть, прорваться, наивный человек Земли.
Вначале надо постараться, со шкурой благостно расстаться.
Стать деревом сухим, остаться, и лишь тогда
позволено мне будет в обитель светлую войти.
Деревья умирают стоя; чем хуже я?

Истина в вине

Ни с кем не связан Истиной и Славой,
поскольку истина в вине.
Мольберт в углу, а кисть художества забава.
Узоры пишет на стекле.
Узоры: как ваш мир прекрасен, одних снежинок хоровод.
И звон бокалов не напрасен.
Он в дальний путь нас всех зовёт.
На том пути возможно поделиться и славой, и узором на стекле.
Но только ведь мольберт уж не синица.
Журавль в светлой вышине.
Не знамо, сказка иль не сказка, а может, присказка грядёт.
А уж тогда как мальчик-с-пальчик,
Все камушки наперечёт.
По ним войду в Храм помолиться,
Узор свечою освятить
И вот тогда в том убедиться,
Что Истине и Славе вечно быть
Лишь в Господе!

Другие

Восход там и закат другой.
Нет поцелуев там и удивленья.
Не связаны они ни с чем.
Но и они святого Божества творенья.
Константы там другие, чтут они другой любви мгновенья.
Другой там Храм, другой язык, иные мысли, сказки, бденья.
Купалы ночь там не живёт, трава в венках не увядает.
Лишь потому что нет её, она там никогда не прорастает.
Но при Луне там таинством своим
Возлюбленные болью, как у нас, клянутся.
Ведь боль, она как сказки, пилигрим и вечность,
к счастью позволяет прикоснуться.
Так просто мне сказать: «Они другие».
Но нет, они такие ж, как и мы.
А Божья благодать и нам и им любовь дарует.
О Господи, прости!

Пирамида

Зыбучие пески, барханы, нет боле доле сил идти.
И ящерка, хвостом играя, промолвила: «Ну, попроси».
Глоток воды, ведь фляжка не пуста, она прозрачна.
Быть может, зонтик от дождя. Удачно.
Да. «Отведи меня туда, где песнь веков в песках ликует.
Где роща фиников, вода и странный звук ещё кочует.
Где вдруг за бархатным углом стена мелькнёт в пространстве
света.
И сразу станет ясно: дом, он наш от века и до века.
По форме в четырёх углах и в каждой грани лик пресветлый.
Одна есть вера в ней любовь.
Другая в созерцаньи крестном.
Молитвы грань – она светла, грань покаянья – тишина.
И все четыре в вышине, во временах, в святом огне.
Да, дом о четырёх ветрах парит, в том милость тяготенья.
И как бы вниз свет четырёх, и кружева в нём, и моленья.
И тоже грани, Божий свет музыкой в них играет.
Друга вершина и душа в другом пространстве обитает.
Четыре вверх, четыре вниз.
А если в зеркале, то снова
Четыре вниз, четыре вверх.
В вершинах пламенное Слово.
То Слово от Начала!

Не Данте я

Сказал он мне: «Пошли». – «Куда?» – я удивился.
«По каменным ступеням, через мхи, туда, где древности
единство».
«Но там же Ад, ты сам об этом говорил.
Весь мир об этом знает и я тоже.
Ведь ты его таким открыл, а мне что с этим делать?
Туда ведь благодать не вхожа».
Он улыбнулся: «Экий, право, ты, ты хочешь рассуждать
о благодати.
Но для тебя что Ад, что благодать умом не познаны, они ведь
братья.
Они как лист: лицо, изнанка.
Монета – решка иль орёл.
Свет, темень. Нищенство, богатство.
Попробуй раздели нетканый в них узор».
«Но, есть же разница, и как её постигнуть?»
«Да, странный мой, ведь в этом твоя суть.
Ты хочешь разделить единство, но это только мыслей муть.
Представь себе, когда ты солнышко вбираешь.
Чуть отошёл – и тень тебе прохладу ткёт.
Но это ты, ты так воспринимаешь, на самом деле в целостном
живёшь.
А жизнь твоя сокрыта в благодати, а ад твой сам его творец.
Отступишь – и ступенькой ниже, а там уж благодати нет.
И так ступенька за ступенькой, по мхам нога скользит.
А благодать Его святая в тебе чуть теплится, уж не горит».

**«В аду своём комфортно и уютно,
о нём приятно рассуждать...»**

В аду своём комфортно и уютно, о нём приятно рассуждать.
И незачем бежать, но помни, что в своё посмертье его придётся
взять.

Таков закон!

Но если о себе и отслужил ты панихиду

И если не забыл дорогу в храм,

Тогда по Божьей Благодати сокроешься от тысяч ран.

Душа твоя по капле понемногу расстанется с проказой. Аз воздам.

И вот тогда, когда её не станет, тебе откроется дорога в Божий
Храм.

Рождество

В установленные сроки, кем, когда не знаю я,
Может, горный я владелец, может, русло бытия.
С гор долиной первозданной не несёт поток меня.
Нет дождей, одни туманы, капли в них, а не вода.
На вершине век от века я молюсь, зигота я.
О Господь, Любимый, Вечный освяти; поток ведь я.
Поздний дождь, а может, ранний, времени я не считал.
Да и как сочтёшь мгновенья,
В них твой меч молитвой стал.
Он разит истоком Славы, той в которой только Ты.
И наполню я потоком светлые Твои мечты.

Сказочное

Рано-рано поутру кружева из снега тку.
А снежинки словно сказки, огоньки, свечной уют.
Заморозились тропинки, ути в валенках бредут,
Лапки чтоб не отморозить и водицы бы испить.
В кружева оделись ели, им мороз уж не грозит.
Чу! Порыв узор сметает.
На церквушке крест святит.
И молитва кружевная Рождеством нас одарит.

О ты, Судьба

*Поверь мне, в жизни стержень смерти творит бессмертие твоё.
Из сна сказочного*

Куда судьба меня бросает, как будто мячик я её.
Ворота травка голубая, ну просто диво. Пикассо.
Она меня опять проводит по вернисажным закромам.
Вот там подсолнухов сплетенье, а вот ромашковый аврал.
И вдруг в индустриальной гамме, где мост прядёт её судьбу,
Увидел крест я первозданный, услышал иноков мольбу.
Подумалось. Меня здесь бросит, плащ звёздный запахнёт.
Ан нет! Сюда ты не вернёшься.
Здесь будет для других черёд.
Другой черёд. Быть может, в славе.
Да нет, мой. Тканая печаль.
Она твоя; судьбы сестрица и с ней я тоже брошусь вдаль.
В другие залы и музеи, где тож искринок чехарда.
Ну как же здесь не стать печью, так что же, в этом ль ты судьба?
Она вдруг встала. Оглянись-ка, там сад в чарующей ночи.
Он Гефсиманская зарница.
И в нём Спаситель; с ним лишь ты.

СКОЛЬКО

Сколько слов в произнесённом, сколько мыслей. Недосуг.
К осуждению готовы. А к признанью?
Сложен круг.
В том кругу узоры света.
В нём слова и бранный мат.
Он же тоже жизнь имеет, но какую, чей примат.
Тех, в которых всё уснуло, а быть может, не жило.
Не сложилось, не спело, им наверно всё равно.
Как-то странно, осуждаю, кто и как себя ведёт.
На какой трубе играет. Песнь свою как продаёт.
Думаю, мне не пристало душу этим омрачить.
У неё своё начало, огонёк другой горит.
Надо только состояться, огоньку дать расцвести.
Улыбнуться, улыбнуться и Любовь Ему нести!

Идея

Почему идея эта ну никак не приглянулась?
Её выгнал за ворота, а она опять вернулась.
Я её представил солнцу и лучинке на рассвете.
А они лишь улыбнулись, представленья не заметив.
Я её в колодец дальний окунул, хладна водица,
И росой её промерил, песеню простой синицы.
А она то величаво, то согбенной паломницей,
То в блистательном уборе, то в кувше святой схимницы,
В искромётном танце жизни, скромницей в тишайшей смерти
Обернулась жар-птицей. Сфинкс её кумир, поверьте.
То не сфинкс и не жар-птица, то ты сам слезой омытый.
А идея ведь простая, надо только помолиться.
И сказать себе: О Боже!
Я себе придумал тризну, а она ведь только врата,
в светлую Твою Отчизну.

Как быть?

Ну, просто я не понимаю, как быть, когда становится не быть.
Мне говорят: терпи, но я ж страдаю.
А ходики всё тикают, как быть.
Терпи, конечно, это славно. Позволь тогда мне спросить.
Терпеть-то может быть забавой, а может быть не быть.
Каким терпением крест Он свой наполнил, и нам его затем вручил.
И бытием своим прожёт просторы, просторы душ, нам свет открыл,
А я? К ладоням приклонился, глаза от света заслонил.
Зачем мне бытие другое?
Мне в этом хорошо, мой свет мне мил.
Мой свет, в котором полутени мелькают вместе с мишурой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.